

ваше императорское величество на ряду съ величайшими людьми, какихъ когда-либо производила вселенная»...

Почти вся переписка ведется вотъ въ этомъ тонѣ. Лишь въ крайнихъ случаяхъ, когда Екатерина, чрезмѣрной рѣзкостью поступковъ и въ особенности обращенія съ сосѣдами, грозила серьезно скомпрометировать интересы Пруссіи, Фридрихъ рѣшался заговорить съ нею инымъ языкомъ. Въ большинствѣ же случаевъ, даже о важныхъ политическихъ дѣлахъ, даже о вопросахъ, насчетъ которыхъ они расходились во взглядахъ, Фридрихъ говоритъ не иначе. Каждый согласится, что это не есть тонъ могущественнаго вѣнценосца, пишущаго къ императрицѣ своей союзницѣ, а скорѣе — восторженнаго поклонника, низайшаго раба, готоваго цѣловать прахъ, попираемый ногами великой женщины, которой онъ поклоняется. Если взять въ расчетъ, какъ дѣйствительно могущественъ былъ уже тогда Фридрихъ, какъ высоко цѣнила вся Европа его общепризнанный геній, то станетъ весьма понятно, что это восторженное поклоненіе съ его стороны льстило самолюбію Екатерины. Она была женщина замѣчательнаго и сильнаго ума, но извѣстно, что умъ и даже геній легко уживаются съ тщеславіемъ, а особенно въ женщинахъ, а Екатерина II, при всѣхъ своихъ выдающихся качествахъ ума и силѣ духа, ставившихъ ее наравнѣ съ самыми замѣчательными людьми той, богатой геніями эпохи, была все же женщина до мозга костей. Женскія слабости были ей такъ же присущи, какъ и чисто мужская энергія. Будь она обыкновенной женщиной, живущей при обыкновенныхъ условіяхъ, она, съ ея умомъ, навѣрное почувствовала бы себя непріятно пораженной черезъ-чуръ бросающимися въ глаза преувеличеніями въ рѣчахъ Фридриха. Но будучи самодержавной повелительницей величайшей имперіи въ Европѣ, окруженная раболѣпнымъ дворомъ, живя постоянно посреди непроглядной атмосферы лести, она, разумѣется, легко могла видѣть въ гиперболическихъ славословіяхъ Фридриха нѣчто весьма естественное, что ей по праву слѣдуетъ. Но даже если это обстоятельство и поражало ее, что весьма возможно, то она все же не могла и не должна была показывать этого. Слишкомъ большіе и важные для нея интересы заставляли ее дѣлать видъ, будто она вполне вѣритъ искренности своего царственнаго корреспондента. Какъ уже сказано, не въ одной лести заключался секретъ вліянія Фридриха. Этой непомѣрной лестью онъ овладѣлъ только душою женщины — умъ императрицы онъ подкупилъ множествомъ дѣйствительныхъ услугъ, тѣми полезными и разумными совѣтами, которые онъ постоянно